
Новые формы социальной мобилизации? Социальное экспериментирование в Республике Беларусь (комментарий к статье Р. Эрвэута и А. Курило)¹

М.Ф. ЧЕРНЫШ*

***Черныш Михаил Федорович** – доктор социологических наук, заместитель директора по научной работе, Институт социологии РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, к. 5. E-mail: che@isras.ru

Цитирование: Chernysh M. (2016) New Forms of Social Mobilization? Social Experiments in the Republic of Belarus (Comments on Ronan Hervouet's Article). *Mir Rossii*, vol. 25, no 4, pp. 52–58 (in Russian)

Французский социолог Ронан Эрвэут полагает, что в Республике Беларусь он наблюдал процесс воспроизводства патриархальной системы управления, доказавшей свою относительно высокую эффективность. Руководители белорусских сельскохозяйственных предприятий стремились возродить традиции досоветского периода, но делали это в специфичных советских формах. Символическое начало приобрело особое значение как стратегия мобилизации, но для уверенности в конечном результате оно дополняется элементами принуждения. В символическом конструкте, призванном обеспечить самоотдачу и дисциплину в сельском хозяйстве, используются традиционное для белорусов дохристианское отношение к природе как святыне, христианские мотивы служения сообществу и искоренения греха, советские традиции соревнования и управляемого карнавала, призванного восславить честный труд. В комментариях к статье Р. Эрвэута говорится, что опыт Беларуси имеет несколько значений для России: во-первых, он прочерчивает новую линию непрекращающегося социального экспериментирования по интеграции хозяйственного и социального опыта советской эпохи с постсоветскими реалиями; во-вторых, он зависит от российских энергетических субвенций, помогающих Беларуси приобретать по сниженным ценам российские энергоносители; в-третьих, он движется в сторону более широкого использования символических стратегий мобилизации, которые вошли в практику и в России. Белорусский опыт схож с российским с той лишь разницей, что стратегия соединения разных символических рядов реализуется в нем с большей последовательностью.

¹ Ознакомиться со статьей Р. Эрвэута «Наследие советского патернализма в белорусской деревне: морализация и фольклоризация социального мира» можно на стр. 30–51 данного номера журнала «Мир России».

Ключевые слова: социальный эксперимент, патриархальность, эффективность хозяйственной деятельности, символические ресурсы

Начало 1990-х гг. стало для России, бывших советских республик, а также других социалистических стран, внезапно обретших полную независимость, сложным временем социального и экономического экспериментирования. В той стихийной лаборатории, которая возникла вследствие распада СССР, объектом опытов становились не отдельные люди, что считалось бы деянием на грани преступления, а целые страны, народы и населения. Все происходило в той «наполеоновской» логике, которую так кратко и точно описал Родион Романович Раскольников: преступник, причинивший вред другому человеку, в случае его поимки предстает перед судом, Бонапарт же, ведший опустошительные войны и разоривший пол-Европы, пострадал минимально, а многим и ныне кажется настоящим героем. Нашлось немало критиков, осудивших С. Милграма, Ф. Зимбардо, А. Кинзи и обвинивших их в злостном надругательстве над участниками психологических экспериментов, но опыты, которые ставились над населением бывших социалистических стран в 1990-е гг., по-прежнему считаются чем-то неизбежным, необходимым и даже желательным. Чем-то наподобие вынужденной ампутации, хотя и делающей пациента инвалидом, но спасающим его жизнь от всепожирающего «антонова огня».

Было бы неверно приписывать российским реформаторам какую-то особую жестокость: в сложившихся обстоятельствах они вели себя расчетливо, с пониманием того, что несут ответственность не перед историей и не перед мифическим «народом», который, как известно в России, прощает по истечении времени любые революционные каверзы, а перед конкретными лицами, входящими в узкий круг единомышленников, перед теми, кто верует в истинного рыночного «бога» и готов взять на себя тяжелое бремя владения и распоряжения государственной собственностью. В конце концов этос ученого-реформатора, наблюдающего и творящего социальные изменения, имеет подвижную рамку. Питирим Сорокин видел российскую революцию, наблюдал ее скатывание во взаимное ожесточение, хаос и, в конечном итоге, социальный коллапс. По мере сил он старался бороться против тех, кого считал разрушителями, и едва не попал в жернова революции, перемоловшие не одну тысячу подобных ему фрондирующих наблюдателей. Й. Шумпетер предпочел наблюдать русскую революцию извне, видя в ней не столько ужасающую бездну страданий, сколько возможность одолеть, наконец, антагонистов из социалистического лагеря. «Шумпетер признался, что он очень рад русской революции. Социализм теперь станет не одной из бумажных идей, а теорией, которую придется доказывать практикой. Макс Вебер отвечал ему, находясь в большом волнении: на данном этапе развития российского общества коммунизм является настоящим преступлением. Его дорога будет умощена людскими страданиями и закончится ужасной катастрофой. “Возможно, – замечал Шумпетер, – но какая же это прекрасная лаборатория”. Отвечая, Вебер разгорячился: лаборатория, где повсюду горы трупов. “Ну так ведь так можно сказать о любой прозекторской”, – парировал Шумпетер» [Zetterberg, Swedberg, Uddhammar 1999, p. 93].

Так уже сложилось в науке, что эксперимент считается успешным в том случае, если приводит к содержательному результату, положительному или отрицательному.

Положительный результат, безусловно, предпочтительнее: его можно использовать как образец и строить на нем настоящее производство искомого продукта. Неслучайно в защищаемых диссертациях редко, если вообще когда-либо, попадаются неподтвердившиеся гипотезы. Диссертанты отлично знают, что если они будут до конца честны в научном плане, если заявленные гипотезы не получат твердых доказательств, то на защите обязательно найдутся члены совета, которые на этом основании подвергнут сомнению квалификацию защищающегося: что же ты, дорогой, не мог придумать нормальной рабочей гипотезы? За доказательство теоремы Ж.-А. Пуанкаре Г.Я. Перельману назначили крупную денежную премию, а что получили те, кто честно пытался, прошли половину пути, но так и не нашли нужных аргументов?

В настоящее время обнаружится совсем немного экспертов, полагающих, что российский эксперимент по трансформации социалистического общества в капиталистическое принес положительный результат, поскольку итоговым продуктом стала полурыночная экономика, лишенная стимулов к самостоятельному развитию, гибридная (по выражению Г. Хейла) полуавторитарная политическая система и общество, разделенное на ничтожную по размерам транснациональную элиту и остальное население, мирящееся со все более примордиальным набором социальных услуг и материальных благ [Colton, Hale 2014, pp. 3–5]. В этой системе постоянно возникают очаги напряжения и конфликта, но они успешно подавляются, что, однако, не снимает с повестки дня важнейший телеологический вопрос: к какой цели, к каким социальным и культурным образцам движется или хотя бы должно двигаться российское общество?

В современной российской полемике о реформах образцы, представленные развитыми странами, более не считаются валидными. Если на рубеже 2000-х гг. примером для подражания считалась Португалия, а Егор Гайдар находил утешение в итальянской модели, то в настоящее время большая часть западноцентричных иллюзий осталась в прошлом. В ряду обсуждаемых альтернатив остался Китай, который хотя и сбавил обороты в последние два года, но сохранил темпы развития, сравниться с которым не может не только Россия, но и большинство стран Запада. Китаю удалось стать второй экономикой мира, модернизировать промышленное производство, создать эффективное сельское хозяйство, которое производит продукцию не только для себя, но и на экспорт. Китайские реформаторы не стали рушить сложившуюся институциональную систему, они лишь слегка ее изменили, освободив от тормозящих развитие внешних идеологических ограничений. Именно этот преимущественный характер реформ делает китайский опыт фактически бесполезным для оказавшейся в экономическом тупике России.

Действительно, вряд можно представить себе сценарий будущего, в котором Россия вернулась бы к начальной точке реформ, восстановила политическую вертикаль управления, на пике которой находится Политбюро Коммунистической партии, и огосударствила сырьевую базу, за счет которой воспроизводит себя и держит высокие стандарты потребления российская элита. Другое дело Республика Беларусь. Российские путешественники, оказавшиеся в этой стране, чувствуют хозяйственную стабильность рациональной социалистической экономики и управляемого общества: распаханые, обихоженные поля, качественные дороги, похвальная скромность элит и медленное, но верное движение вперед, к европейским стандартам качества жизни. Если уж какой-то из бывших советских республик и суждена

постепенная интеграция в Европу, то уже точно не Украине, погрязшей в постреволуционных баталиях, а именно Беларуси, культивирующей порядок и развивающей или хотя бы сохраняющей производственные мощности. Не только российские патриоты, но и автор предыдущей статьи Ронан Эрвуэт, попали под обаяние белорусского эксперимента по сохранению советских достижений. Французский социолог восторженно рисует ухоженность белорусской глубинки, патриархальную заботу руководства республики о сохранении и развитии сельского хозяйства, в котором белорусское руководство видит истинные корни жизни белорусов, находит ту культуру, опираясь на которую общество сможет сохранять прежний поступательный курс.

В отличие от российских наблюдателей, акцентирующих прежде всего преемственность белорусского опыта по отношению к опыту советскому, Эрвуэт выделяет в белорусском эксперименте не столько собственно советский опыт, сколько новую форму реорганизацию жизни, в которой новый национализм органично сочетается со старой советской традицией. Речь идет о практиках, в которых символическое начало национальной жизни, новый патриотизм наполняет старые, апробированные формы организации. В этих практиках управленческий прессинг, заимствованный из прошлого, соединяется с прославлением общества, его традиционной культуры, его истинных ценностей: «Управленцы видят в сельскохозяйственном рабочем, занятом в коллективном хозяйстве, наследника традиции и хранителя векового производственного опыта. Говоря о тех, кто занят на производстве, директор избегал слова “колхозник”, которое в советском опыте обозначало глупца, не имеющего заинтересованности в труде. Он уточнял, что говорит о “крестьянах”, чтобы подчеркнуть их квалификацию и отнести эти трудовые навыки к прошлым эпохам, в которых крестьянам были свойственны достоинство и самостоятельность. Управленцы сожалели о потере традиционных сельскохозяйственных навыков, которые были утрачены колхозными рабочими, хотя они и пытаются исправить положение, организуя передачу эти навыков новым поколениям»². В коллективных хозяйствах прилагаются немалые усилия для того, чтобы культивировать традиционную белорусскую сельскую культуру: «Это было видно во время приема иностранных делегаций. Принимая гостей, руководители обязали девушек надевать традиционные одежды»³. Подобные инсценировки не всеми современными молодыми людьми воспринимаются серьезно, и для того, чтобы придать вес новой культурной традиции, управленцы «читают им нраву» и угрожают финансовыми карами – отказом в премиях – в том случае, если пренебрегают правилами игры»⁴. В новом белорусском эксперименте заявлено все то, что культивируется в современном российском, да и украинском дискурсе: традиция, национальный мир, акцент на скромность и подчеркнутая духовность.

Как и в России, наставительный опыт исходит от руководства: в своей статье Эрвуэт постоянно отсылают читателя к цитатам руководителя республики и тому восхищению, с которым встречают его мудрые речения рядовые жители

² См. стр. 34 данного номера журнала «Мир России».

³ См. стр. 34 данного номера журнала «Мир России».

⁴ См. стр. 34 данного номера журнала «Мир России».

республики. Беларусь, в отличие от России, реализует программу постепенного возрождения национальной духовности, действует в этом направлении более последовательно. О том, насколько действенной может быть духовная мобилизация, свидетельствует приводимый Эрвуэтом удивительный пример отца Бульки, православного священника, преобразующего пространство вокруг храма, настоятелем которого он является: «Отец Булька привел в порядок погост, расширил фруктовые сады, установил скульптуры и срубил старые деревья, закрывавшие свет. Его проект не остановился у церковной ограды, он двинулся дальше, охватив все 24 гектара церковной земли. Он осушил болота, посадил японские березы, вырыл два симметричных пруда, соединенных “мостиком влюбленных”, воздвиг зеленые холмики на их берегах, проложил дорогу к чистому ключу и спортивным сооружениям, находящимся поблизости. На расстоянии нескольких сот метров от храма отец Булька воздвиг 23-метровый крест, весящий 10 тонн. Крест виден на расстоянии 25 километров от места его расположения»⁵.

На той духовной платформе, которой предназначено стать опорой белорусской государственности, православное усердие органично сочетается с дохристианской традицией почитания природы как национальной святыни и советским опытом, внешне отвергаемым, но узнаваемым и воспроизводимым в привычных формах. Эрвуэт ссылается на регулярный фестиваль «Дожинки», на котором чествуются и награждаются грамотами передовики производства, проводятся соревнования мастеров, даются концерты исполнителей народных песен. Анализируя опыт сельских фестивалей, Эрвуэт старается соблюсти объективность: символический акцент на консолидацию вокруг народной традиции не смог уберечь местных предпринимателей от кризиса. На поверку относительное спокойствие белорусской глубинки оказалось не столько альтернативой российскому опыту, сколько одним из его непреднамеренных следствий. Эрвуэт цитирует экспертов, местных и западных, подтверждающих, что с 2004 по 2009 г. Беларусь получила от России субвенций на сумму \$37,7 млрд. С учетом этого Эрвуэт склоняется к мысли о том, что особый белорусский путь, скорее всего, окажется «утопией», существующей благодаря союзническим даяниям. Однако кто знает, возможно, сама действительность опровергнет его осторожный скепсис.

Исследуя истоки социальных экспериментов, Александр Эткинд пришел к выводу об их тесной связи с альтернативными религиозными течениями и, в частности, сектантством. Эту идею нельзя признать совершенно новой. В конце концов, Макс Вебер заявил о прямой связи между протестантской этикой кальвинистов и новыми формами накопления, породившими современный капитализм. А. Эткинд перенес идею культурной предопределенности на российскую (в широком смысле) почву, наглядно показав, что многие идеи социальных и экономических экспериментов, производимых в России, имеют в истоках сектантские, альтернативные духовные проекты, потерпевшие крах в оригинале, но возродившиеся в политических программах и стратегиях экономических преобразований: «Среди современных историков большевизма и советского коммунизма идея о религиозных корнях русской революции не является доминирующей. Политическая история не знает

⁵ См. стр. 36 данного номера журнала «Мир России».

реального – массового, действенного, вооруженного – участия русских сект в революционной борьбе. Возможно, однако, что идея лежит глубже. История идей потому и интересна, как таковая, что идеи не являются отражением реальности. Идеи принадлежат к миру воображаемого и в этом своем качестве обладают странной способностью изменять реальность. Когда такое вмешательство идей в жизнь приобретает особо крупные размеры, это называют революцией» [Эткинд 1998, с. 20–21]. В обществе, ощущающем кризисные состояния, процесс соединения идей и политики существенно ускоряется, возникают предпосылки того, что будет тестироваться в новых социальных экспериментах. Новые идеологии не анонсируются как теоретические конструкции, а напрямую соединяются с политической и хозяйственной практикой в границах, маркируемых национальной культурой.

Литература

Эткинд А. (1998) Хлыст. Секты, литература и революция. М.: НЛО.

Zetterberg L., Swedberg R., Uddhammar E. (1999) *Sociological Endeavor*, New Brunswick: Transaction Publishers.

Colton T., Hale H. (2014) Putin's Uneasy Return and Hybrid Regime Stability: The 2012 Russian Elections Studies Survey // *Problems of Post-Communism*, vol. 61, no 2, pp. 3–22.

New Forms of Social Mobilization? Social Experiments in the Republic of Belarus (Comments on R. Hervouet and A. Kurilo)

M. CHERNYSH*

*Mikhail Chernysh – Doctor of Sociology, Deputy Director, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Address: bld. 5, 24/35, Krzhizhanovskogo St., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: che@isras.ru

Citation: Chernysh M. (2016) New Forms of Social Mobilization? Social Experiments in the Republic of Belarus (Comments on Ronan Hervouet's Article). *Mir Rossii*, vol. 25, no 4, pp. 52–58 (in Russian)

Abstract

The French sociologist Ronan Hervouet and his co-author Alexander Kurilo are convinced that in the Republic of Belarus they observed how the patriarchal system of government is capable of maintaining relative economic efficiency. The managers of

Belorussian agricultural firms revived the traditions of the pre-Soviet period, albeit in specific Soviet forms. Symbolism became the key element of the strategy of mobilization, but in order to ensure the desired effect it had to be bolstered by elements of coercion. The symbolic construct, which the management called for to encourage self-sacrifice and discipline in agricultural production, represents a mixture of pre-Christian traditions of worshipping nature, Christian values of community service and negation of sin, and Soviet traditions of socialist competition and glorification of honest labour. The current review of Hervouet's article elaborates on the ways in which the Belorussian experience can be relevant for Russia. Firstly, it charts a new line in the context of continuing social experimentation aimed at integrating the social and economic experience of the Soviet period with the post-Soviet reality. Secondly, it is claimed that the Belorussian experiment is successful only due to the indirect subsidies provided by Russia in the form of extremely cheap energy imports. Thirdly, the experiment is in line with a wider implementation of symbolic mobilization strategies which are also being practiced in Russia. The Belorussian experience is similar to the Russian one with a single exception: the corresponding symbolic strategies are applied in Belarus more consistently than they are applied in the Russian Federation.

Keywords: social experiment, patriarchal economy, economic efficiency, symbolic resources

References

- Etkind A. (1998) *Khlyst. Sekty, literatura i revolutsiya* [The Sect of Khlysty. Sects, Literature and the Revolution], Moscow: NLO.
- Zetterberg L., Swedberg R., Uddhammar E. (1999) *Sociological Endeavor*, New Brunswick: Transaction Publishers.
- Colton T., Hale H. (2014) Putin's Uneasy Return and Hybrid Regime Stability: The 2012 Russian Elections Studies Survey. *Problems of Post-Communism*, vol. 61, no 2, pp. 3–22.